

— Воды!

— Воды!

Глубокой ночью Цзюнь Тяньяо спал безмятежно, и, когда ему наконец-то привиделся приятный сон, его разбудил хриплый голос.

— Какой ублюдок не спит и смеет беспокоить меня...

Его круглые, миловидные глаза еще слипались от сна, а губы уже начали извергать проклятия. Неужели этот негодяй не знает, что Второй молодой господин Цзюнь — настоящий демон, когда не высыпается? Цзюнь Тяньяо, не глядя, ухватил что-то гладкое, лежавшее рядом, собираясь швырнуть это в воображаемого обидчика. Но тут раздался тихий стон, донесшийся прямо до его уха. От горячего дыхания крошечная мочка уха вспыхнула, как от огня. Цзюнь Тяньяо мгновенно протрезвел, в голове словно что-то щелкнуло. Обернувшись, он увидел нахмуренные брови юноши, его потрескавшиеся губы и глаза — все еще подернутые влажной пеленой, мутные и глуповатые, но уже начавшие обретать фокус.

Первой реакцией Цзюнь Тяньяо было ошеломленно поднять взгляд на две длинные руки, скованные над головой. На запястьях, из-за неосознанных попыток вырваться, уже проступила кровь. Цзюнь Тяньяо, который всегда считал себя свободным и независимым — а проще говоря, обладал довольно толстой кожей, — впервые в жизни почувствовал, как его лицо вспыхнуло и залилось краской до самых ушей.

Можно ли считать это поимкой с поличным? Он ведь собирался развязать его завтра утром.

— Ци, братец Ци, подожди немного, я сейчас принесу тебе воды...

От волнения Цзюнь Тяньяо автоматически перешел в актерский режим. Слова посыпались из него, как горох, и, не дожидаясь ответа Цзимо Ци, он бросился наутек, исчезнув в мгновение ока.

— Не... не уходи!

Туманным взором Цзимо Ци провожал удаляющееся нагое детское тельце. Его глаза постепенно теряли расфокусированность, наполняясь глубокой тьмой.

Напрягшись, он дернул руками и поднял голову. Лишь теперь он заметил на запястьях знакомую ленту. То, что лишало его свободы, было его собственным поясным кушаком. Опустив взгляд, он увидел свое полуобнаженное тело, и, заметив оставленные из милости нижние штаны, Цзимо Ци тихо выдохнул.

Он пошевелился, перевернувшись со спины на бок. Раны на спине, соприкоснувшись с грубым песком, отозвались острой болью. На лбу выступили капли пота, но он не издал ни звука. Руки

соскользнули с макушки, корпус подался вперед, и стройное тело выпрямилось. Подняв на уровень глаз плотно связанные ладони, он слегка приоткрыл губы, обнажая белые зубы, и осторожно приблизился к мертвому узлу. В пляшущих языках пламени на веревке все еще виднелись капли крови, но еще сильнее бросались в глаза две сменные одежды, сушившиеся у костра: одна черная, изодранная в клочья, и вторая — серая, изначально выглядевшая потрепанной. Обе лежали рядом, и когда налетал ветерок, черный рукав порой касался серого одеяния. Цзимо Ци замер на месте.

Слегка наклонив голову, он окинул взглядом опустевшие заросли и прислушался — помимо шума ветра, не доносилось ни звука. Не было слышно ни шагов Цзюнь Тяньяо, ни его сладкого смеха. Эта пустая поляна была мертво-тихой, словно могила.

Подтянув колени и сев прямо, Цзимо Ци больше не пытался вырваться из путы, а лишь молча уставился в ту сторону, где исчез Цзюнь Тяньяо. На щеках его сам собой проступил едва заметный румянец.

Цзимо Ци позволил яркому плащу костра отражаться и плясать в глубине своих зрачков.

Шелест трепещущих листьев и шаги. Цзимо Ци попытался изобразить на лице нечто похожее на улыбку, хотя уголки рта отчаянно и судорожно застыли — наверняка вышло жутковато. Беспокойно согнув замерзшие пальцы, он повернул голову.

Сложная, с трудом выдавившаяся улыбка постепенно растворилась в ночном воздухе. Внезапно поднявшийся ветер взъерошил гладь пруда, но стоило ветру стихнуть, как вода разгладилась, не оставив и следа — таков уж закон суровой реальности.

Лицо Цзимо Ци мгновенно стало ледяным и непреклонным. Чуть напряг руки, и дорогой пояс с треском разорвался на куски.

Ссадины на запястьях стали еще заметнее, кожа оказалась содрана. Небрежно стряхнув с шелковых брюк травинки, он спокойно поднялся на ноги.

Заложив руки за спину и глядя на толпу черных стражников, стоявших перед ним на одном колене в знак подобострастного приветствия и застывших подобно деревянным истуканам, Цзимо Ци одарил их леденящим, пронзительным взглядом.

Сделав шаг вперед, среди почтительно склоненных людей поднялся высокий, крепкий мужчина:

— Ваше Высочество Наследный Княжич, позвольте вашему слуге позаботиться о вас, приведите себя в порядок...

Проследив за взглядом Командир Ци, Цзимо Ци окинул взором собственный наряд: грязные белые шелковые штаны, потерянный сапог, белые как снег носки, сплюснутые покрытые

травой, и верхняя одежда, разодранная в клочья явным злым умыслом. В глубине его глаз мелькнуло странное выражение.

— Благодарю за труд...

Поджав губы, Цзимо Ци высоко держал голову, позволяя крепкому мужчине опуститься на одно колено и сменить ему носки на сапоги. Ему было лень спрашивать, как тот умудрился подготовить всё необходимое с такой оперативностью — будучи подчиненным, пользующимся полным доверием князя-отца, он всегда умел невозможное. Цзимо Ци скривил губы, а ресницы его опустились, скрывая тень в глазах.

<http://bllate.org/book/21941/2279444>